МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им.В.М.ВАСИЛЬЕВА

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ МАРИЙСКОГО КРАЯ

Выпуск 27

ЙОШКАР-ОЛА
2004

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им.В.М.ВАСИЛЬЕВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ЙОШКАР-ОЛА
2004

УДК 902
ББК 63.4
В 406

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им.В.М.Васильева

Научные редакторы
Т.Б.Никитина, Б.С.Соловьев

В 406 Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье // АЭМК. Вып.27: Материалы конференции. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. – 2004. – 160 с.
ISBN 5-94950-011-3

В сборнике публикуются материалы полевых семинаров, посвященных проблемам взаимодействия культур эпохи бронзы Волго-Уральского региона (пос.Юрино, 2002 г.) и этнической истории финно-угорских народов Поволжья и Прикамья (Важнангерское городище в Горномарийском районе РМЭ, 2002 г.).

Предназначен историкам, археологам, этнографам и всем интересующимся древней и средневековой историей народов Волго-Камья.

ISBN 5-94950-011-3 ББК 63.4

© МарНИИЯЛИ, 2004

Л.Д.Макаров
(Ижевск)

СЛАВЯНО-ФИННО-ПЕРМСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-ВЯТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. Н.Э.

О хорошем знакомстве населения Древней Руси с Волго-Вятским междуречьем свидетельствуют археологические находки X – XII вв., выявленные в материалах могильников Верхнего Поветлужья и бассейна р.Вятка (Черемисское кладбище, Веселовский, Юмский, Стрижевский, Буйское погребение, Кочергинский, Лопьяльский) и проанализированные мною в предшествующих публикациях. Более поздний период складывания связей с Русью документирован Орловским кладом XII – XIV вв. на поселении Изран (1, с.41–42, рис.3).

Еще более насыщены древнерусским импортом могильники Марийского Поволжья IX–XI и особенно XII – XIII вв. Однако в захоронениях обнаружена и славяно-русская керамика (2, с.60–61, рис.75–5; 3, с.55–56, рис.48–1; 52; 4, с.190–191), считать которую импортом невозможно, поскольку этому противоречит неважное ее качество. По-видимому, эта посуда была приобретена у проживавших по соседству выходцев из Древней Руси. А это вполне вероятно – в данном регионе известны поселения с древнерусской керамикой и вещами, которые концентрируются вдоль Волги близ устьев Суры (Петровское селище, местонахождение Отарские Выселки, Васильсурское V («Репище») городище, Красноселищенское, Михайловское селища) и Ветлуги (Горношумецкое городище, Удельно-Шумецкое II, Волоконное, Сиухинское, Носельское III, Важнангерское, Шартнейское, Юльяльское, Сауткинское селища, Мало-Сундырское городище, кузница на Юльяльском городище, Отарское III местонахождение), а также в Чувашии (Таутовское, Янмурзинское, Больше-Янгильдинское) (рис.1). Единичные поселения с древнерусскими находками располагаются в среднем течении Ветлуги (селище Подолиха, Успенское и, возможно, Осетровское городища), в верховьях и близ устья Большой Кокшаги (Пайбулатовское и Уржумкинское II поселения), в верховьях р.Малый Кундыш, левого притока Малой Кокшаги (Верх-Ушнурское местонахождение), в устье р.Илеть (Мари-Луговское селище – ?).

Очевидно, русскими поселенцами оставлен и Юльяльский могильник (5, с.171, 175; 6, с.182, табл. XXXVIII – 9; 7, с.164–168; 8, с.17–20, рис.20–23; 9, с.31, 33, 38–39, 41, 43, 45, 68, 70–73; 10; ее же, 1994, с.71–73, 77, рис.5, 6-4, 11, 12; 11; 12). Древнерусское влияние сказалось на погребальной обрядности местного населения и на многих сторонах его жизни (8, с.24–25; 9, с.25; 4, с.200–206). Следствием этих процессов и стало появление этнически смешанных поселений, о чем говорят обнаруженные на них материалы. Сосредоточение славяно-финских памятников близ устьев Ветлуги и Суры связано с древнерусской колонизацией этого района в связи с приближением границ земель Нижегородского княжества и постройкой в 1372 г. в низовьях р.Суры города Курмыша, о чем писали еще в 1960 г. Г.А.Архипов и А.Х.Халиков (13, с.11). Историко-географические наблюдения подтверждают, что к середине XIV в. нижегородские владения достигли р.Суры, а в некоторых местах, по-видимому, охватили и Засурье (14, с.227–231, рис.7). Представляется, что поселения в устье Суры составляли северную окраину сельской округи г.Курмыша, к которой тянули и памятники близ устья Ветлуги, очевидно, не входящие в нее территориально.

Наличие памятников со смешанными этнокультурными комплексами свидетельствует, что взаимоотношения местного населения с пришлым древнерусским достигли уровня взаимной интеграции материальной и духовной культуры, а может и физической метисации. Поэтому называть такие памятники только древнемарийскими, мягко говоря, не совсем корректно, особенно в тех случаях, когда налицо бесспорный и яркий славяно-русский комплекс – керамика, бытовые вещи, православные подвески, жилища (12, с.51–59).

Неизменный вопрос вызывает этническая принадлежность так называемой «славяноидной» керамики. Автор уже достаточно подробно освещал эту проблему (15, с.112–113; 16, с.11). Т.А.Хлебникова считала эту керамику марийско-чувашской (17, с.33), Н.А.Кокорина называет поволжско-финской (18, с.13, 16), К.А.Руденко предполагает вероятные ее верхнекамские истоки (19, с.46), а И.Н.Васильева воздерживается от этнической атрибуции (20, с.121–122, 129, 133; 21, 1993, с.76–77, 118–121, 135–140, 185). М.Д.Полубояринова трактует данную посуду как древнерусскую группы В (22, с.35), что, на мой взгляд, более удачно, т.к. эта керамика всегда обнаруживается вместе со славянской (группа XIV). В то же время не вызывает сомнений, что керамика группы XVI производилась на смешанных поселениях.

Остается не до конца выясненным происхождение преобладающих в этой группе посуды примесей раковины и органики. Утверждения иссле-

дователей Казани и Йошкар-Олы об их марийских истоках (6, с.24; 7, с.168; 23, с.89; 8, с.20) по меньшей мере спорны, т.к. обычно даются отсылки на памятники I тыс. н.э. с обнаруженными на них фрагментами круглодонных сосудов бесспорно прикамского (т.е. пермского) происхождения. Плоскодонная же керамика (бесспорно поволжско-финская) этих примесей не содержит. Логически же ожидаемое сложение круглодонной посуды с примесями шамота и дресвы, напротив, подтверждено, хотя и в единичных случаях (24, с.30, 43–44, рис.66-Б). Из этого следует, по-видимому, что малочисленное прикамское население быстрее и легче адаптировалось в местной финской среде, в то время как обратного заимствования не зафиксировано.

К сожалению, малочисленность поселений X–XII вв. значительно осложняет задачу осмысления более поздней керамики. Обратимся к некрополям. В близлежащих к устьям Суры и Ветлуги могильниках XII–XIII вв. (Починковском, Руткинском, Выжумском II) горшковидные сосуды сформированы из глины с примесью песка. Большая их часть характеризуется славянскими пропорциями и орнаментацией (линейно-волнистой, зубчатой, ямочно-линейной). Однако отдельные сосуды Руткинского могильника имеют пропорции, близкие к «славяноидным» (3, с. 56, рис.52), а один горшок из Починковского могильника аналогичного вида украшен прикамским орнаментом – пятью рядами шнура (3, рис. 51–6). Интересно, что на Выжумском III могильнике этого же времени обнаружена лепная баночная по форме керамика (4 сосуда) с зубчатым орнаментом (3, с.56, рис. 49–1-4), близкая находкам из могильников Поветлужья IX–XI вв. (Дубовского, Веселовского, Черемисского кладбища). Последние имеют песочную примесь (единично песок с шамотом и растительностью) и более разнообразную орнаментику (сочетание зубчатых оттисков и шнура, насечек и решетчатого штампа, треугольников и т.д.) (2, с.60–61, рис. 75–1-4, 6, 7, 9, 11-18). Синхронные вятские могильники (Юмский и Кочергинский) содержали погребения с двумя прикамскими сосудами – округлодонным и уплощенным, орнаментированных рамчатым штампом и треугольными ямками в сочетании с насечками по венчику и имевших примесь органики в тесте (2, рис. 75–8, 10, 13). Таким образом, керамика из могильников, имеющая примеси органики, в какой-то мере заполняет временной пробел между памятниками I тыс. н.э. и XIII–XV вв.

Большое значение имеют материалы поселений Марийского Поволжья, в частности керамический комплекс Носельского III селища (XI–XIII вв.). Примечательно, что в этой коллекции даже местная лепная плоскодонная посуда (13 экз.) имела преобладающую примесь ракови-

ны – 46,1% (шамота – 30,7%), в круговой же (55 сосудов) она превалировала абсолютно – 60% (шамота – 31%). Любопытно и полное отсутствие в числе примесей песка (есть лишь один сосуд, где песок использован наряду с шамотом и галькой) и дресвы – излюбленных славянских отощителей, хотя по оформлению эти сосуды (особенно тип III – 12, 4%) славянские, либо славяноидные (тип I – 61,8%), правда, орнаментация на них единична (8, с.17–20, рис.23). Интересные данные получены при исследовании Юльяльского селища XIII–XV вв. На памятнике обнаружены яркие древнерусские находки и разнообразная керамика: местная (73,2%), славянская (22,7%), болгарская (4,1%). Не касаясь последних двух комплексов, остановлюсь на характеристике местной посуды, данной Т.Б.Никитиной (10, с.26–28). Она отмечает, что в целом преобладает круговая керамика, чаще формовавшаяся из глины с примесью дресвы, а в лепной превалирует глина с шамотом. В целом же ею отмечены примеси органики* (35%), дресвы (26,8%) и шамота (10,3%). Исследователь привела и данные по керамике Успенского городища, что выше по течению Ветлуги, на котором выявлены гончарная керамика (23 сосуда), в основном с примесью дресвы, реже – органики и шамота, представлявшая славянскую и «славяноидную» посуду (10, с.28–29).

На Сиухинском селище вся лепная керамика сделана из глины с шамотом или дресвой, а около половины круговой имело примесь раковины (23, с.88). На Важнангерском селище более половины лепной керамики содержало растительную примесь, остальные сосуды – шамот и (чуть менее) дресву, а гончарные – растительность (31,35%), зачастую с дресвой (25,5%), дресву (31,35%), реже песок (9,8%) и шамот (2%). Шартнейское селище дало такие цифры: по лепной абсолютное преобладание растительных примесей (59,6%), иногда с дресвой (11,5%), более редкое использование шамота (28,9%); по круговой почти та же картина – растительность (62,8%), она же с дресвой (16,3%), дресва (11,6%), песок (7%) и всего один сосуд с шамотом (2,3%). На Сауткинском селище обнаружена исключительно круговая посуда (20 сосудов) с растительностью (40%), нередко вместе с дресвой (25%), только с дресвой (30%) и однажды с песком (5%) (17, с.131–136, рис. 2–2-18).

И, наконец, самый информативный памятник – Мало-Сундырское городище. К сожалению, в нашем распоряжении только материалы первых лет раскопок, опубликованные Т.А.Хлебниковой. По ее подсчетам,

---

* Здесь и далее: судя по всему, автор этих исследований Т.Б.Никитина провела дополнительный анализ примесей и пришла к выводу об использовании не толченой раковины, о чем писали Т.А.Хлебникова и другие авторы, а растительности (органики).

лепная керамика (а это 13,8% всей посуды, исключая болгарскую) на 80% изготовлена с использованием примеси шамота, на10,2% – раковины, на 8,5% – песка, на 1,3% – дресвы. Гончарная посуда формовалась преимущественно из теста с добавками раковины (50,4%) или песка (30,3%), гораздо реже использовались шамот (10%) и дресва (6,1%), а смесь из раковины и шамота применялась еще реже (3,2%) (7, с.164–167, рис.7 и 8).

В сравнении с поселениями Марийского Поволжья поселения Чувашии (Таутовское, Больше-Янгильдинское, Янмурзинское) хотя и дают те же группы посуды – болгарскую, славянскую (их немного) и местную, но имеют и отличия, относящиеся к соотношению примесей: абсолютно преобладает крупнозернистый песок (в Больше-Янгильдинском в лепной посуде – 58,5%, в круговой – 84,3%), гораздо меньше использованы шамот (там же, соответственно 4,5 и 26,6%), раковина (8,9 и 9,2%), дресва (6 и 2%) (23, с.90-91).

Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий процент примесей раковины (растительности), что вообще несвойственно ни древнемарийской керамической традиции, о чем уже говорилось выше, ни тем более чувашской (24, с.103). Поскольку местных истоков этой традиции не выявлено, а спонтанное ее возникновение более чем сомнительно, представляется, что она имеет прямые истоки в прикамских керамических навыках. Некоторые наблюдения как будто подтверждают пришлый характер исследуемой традиции. Во-первых, совершенно не ясны причины явного предпочтения в использовании в качестве примесей толченой раковины или органики в сравнении с шамотом и дресвой, особенно при изготовлении круговой керамики. Во-вторых, крайне редки случаи смешения раковины (органики) и шамота, хотя заметно наличие смеси органики и дресвы. Налицо, как будто, некое дистанцирование местной (с шамотом) и пришлой (с раковиной-органикой) технологических традиций (что касается дресвы, то она вполне обычна в качестве примеси в славянском керамическом производстве). И вряд ли этот вероятный приток связан с миграцией в VIII–IX вв. выходцев из Верхнего Прикамья и верховьев Чепцы, которые влились в состав формирующегося волжско-болгарского этноса (25, с.55–56, 66–73). В дальнейшем эти пришельцы, оставившие керамические группы IV–VIII вв., дали импульс для развития своих керамических традиций уже в рамках государства с начала X в. и до монгольского нашествия в начале XIII в. (25, с.103–116, 143–149, 156–162, 186–187, 191–194, 205–206, 221–225). Теоретически можно, конечно, предположить, что носители этих групп керамики мигрировали на запад и принесли свои традиции в рецептуре теста, однако по другим параметрам сходства практически никакого.

Другое дело – керамика XIV и XVI групп. Появление первой на отдельных памятниках Волжской Болгарии означало проникновение сюда славян не позднее XI в. из Древней Руси, по предположению Т.А.Хлебниковой (25, с. 170–171), из Подонья и Приазовья, а с XII – начала XIII в. – с территории Северо-Восточной Руси (25, с.231–232). Исследовательница полагала, что тем же путем сюда «попадает население, которому принадлежит производство посуды XVI группы. Это гончарной выделки из теста с примесью толченой раковины, а изредка шамота серая, бурая и желтоватого цвета горшковидная посуда (...). Подобная посуда (...) в свое время была рассмотрена и определена как местная для населения Марийского и в какой-то мере Чувашского Поволжья» (25, с.200–201). Она и была условно названа «славяноидной». Далее Т.А.Хлебникова пишет: «Предлагая такое же определение посуде XVI группы у болгар, появление ее в Волго-Камье рассматриваю как результат проникновения на восток в конце домонгольского периода западных поволжских соседей болгар» (25, с.232).

В предложенной выше схеме не находит места керамика Вятской земли (Т.А.Хлебникова смотрела наши коллекции, однако в печати какого-либо отклика это не нашло). Между тем анализ данной группы древнерусской посуды показал весьма значительную ее близость аналогичной керамике Марийско-Чувашского Поволжья и Волжской Болгарии. Еще в 1984 г. автор исследовал древнерусскую керамику поселения Искра XIII–XIV вв., изготовленную, в основном, с помощью гончарного круга и имевшую достаточно пестрый состав примесей: песок (24,3%), дресву или мелкую гальку (27%), мелкотолченую раковину (32,5%), раковину с шамотом (16,2%), причем шамот в качестве самостоятельной примеси почти не использовался (11 фрагментов стенок). Уже в этой публикации я поставил под вопрос марийское происхождение ракушечной примеси, как не имеющей корни в более ранних материалах, и предложил искать ее истоки в ареале арских удмуртов, появление же «славяноидной» посуды на Средней Вятке связал с притоком ее носителей из Марийско-Чувашского Поволжья в период после монгольского нашествия (26, с.106, 112–113).

В настоящее время известно порядка 20 поселений Вятской земли с находками «славяноидной» керамики, причем на многих из них она преобладает, что говорит о глубокозашедших процессах смешения (27). При этом происходит консолидация полиэтничного населения, отражением чего и явилось возникновение славяно-финно-пермской керамики. Предполагается, что часть этого населения в XIII в. появляется в Волжской Болгарии, в Марийско-Чувашском Поволжье и Поветлужье вместе

с XVI группой керамики. Показательно, что, по сведениям этнографов, марийцы интерпретировали Мало-Сундырское городище как удмуртское поселение, а в поздних русских источниках удмурты поименованы под этнонимами «отяки», «чуваша», «черемиса» (28, с.13–14; 29, с.22–23). Одновременно с запада продвигаются поселенцы с территории древнерусских княжеств – Владимирского, Галицкого, Ростовского – в верховья Ветлуги, т.е. с запада на восток (и с севера на юг – *Л.М.*) – с Унжи (и верховьев Сев.Двины – *Л.М.*) на Ветлугу (30, с.157), а нижегородцы активно осваивали правобережье Волги вплоть до низовьев Суры (8, с.23–24; 14, карты, рис.7; 31, с.69–76). Появившиеся в Марийско-Чувашском Поволжье и Поветлужье выходцы из древнерусских земель (славяно-пермской Вятки и славяно-финского Волго-Очья), а также, по-видимому, и беженцы из Волжской Болгарии оказали прямое воздействие на экономическое развитие, бытовые особенности и погребальную обрядность местного марийского населения. И смешанные керамические традиции – прямое тому подтверждение.

Таким образом, можно утверждать, что взаимодействие этнических групп в Волго-Вятском междуречье достаточно быстро от простого соседства перешло к взаимной интеграции в материальной и, в какой-то мере, духовной культуре. Какие-либо данные о конфронтационности в их отношениях нам неизвестны. Значительное беспокойство доставляли внешние факторы, в т.ч. набеги новгородских ушкуйников. Один из них, 1374 г., прямо коснулся рассматриваемых земель, когда разбойники «пограбиша все Засурье и Маркваш, и (...) идучи много сел по Ветлузе пограбиша» (32, с.396) и жертвой их стало, вероятно, не только проживавшее здесь мордовское, чувашское, марийское, удмуртское, но и ставшее уже постоянным русское население. В ходе акции 1379 г. ушкуйники напали на Арскую землю, однако были разбиты, а их воевода Рязан убит (32, с.419). Грозную силу представляли собой ордынские отряды. Так, в 1391 г. «...царь Тохтамыш посла царевича своего, именем Бектута на Вятку ратью. Он же шел, Вятку взял, а люди посече, а иных в полон поведе, мужи, и жены и дети» (32, с.437–438). Думается, такая судьба постигла не только Вятку и другие земли Руси, но и инородческие территории со смешанным населением. Однако, в целом обстановка в этом регионе была, очевидно, стабильной. Положение заметно изменилось с возникновением Казанского ханства (1445 г.), которое повело крайне агрессивную политику по отношению к Москве и ее сторонникам (33, с.254–255; 34, с.105; 35, с.10–12). В итоге верхушка местных народов вольно или невольно становилась послушным орудием в руках казанских ханов, и в этом плане особенно известны черемисы (луговые мари), элита

которых превратилась в наиболее последовательных сторонников Казани (31, с.74–79; 33, с.14). Следствием этого стал уход русских людей из освоенных ими ранее земель Волго-Вятского междуречья. Вновь русские появляются там лишь в конце XVI – первой половине XVII в. (15, с.170–172).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Макаров Л.Д.*. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: (К 210-летию А.Л.Витберга). Киров, 1997.

2. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.

3. *Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIII вв.: (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола, 1986.

4. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 1999.

5. *Старостин П.Н.* Результаты археологических разведок левобережья Волги от пос.Дубовский до с.Кокшамары // Вопросы археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961. (Тр.МарНИИ. Вып.XVI).

6. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Йошкар-Ола, 1962. Тр. МАЭ. Т.2.

7. *Хлебникова Т.А.* Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 годах // История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола, 1967. (Тр. МарНИИ. Вып.XXII).

8. *Архипов Г.А.* Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола, 1982. (АЭМК. Вып.6).

9. *Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1993. Вып.2.

10. *Никитина Т.Б.* Юльяльское селище (к вопросу о марийско-русских связях в эпоху средневековья) // Межэтнические связи населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. (АЭМК. Вып.20).

11. *Никитина Т.Б.* О характере расселения марийцев во II тыс. н.э. на примере Мало-Сундырского городища и его округи // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. (АЭМК. Вып.24).

12. *Никитина Т.Б.* Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000.

13. *Архипов Г.А., Халиков А.Х.* Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–59 гг.). Йошкар-Ола, 1960.

14. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

15. *Макаров Л.Д.* Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. (АЭМК. Вып.23).

16. *Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учебное пособие. Ижевск, 2001.

17. *Хлебникова Т.А.* Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

18. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1991.

19. *Руденко К.А.* Новые данные о связях населения Вятского края и Среднего Поволжья в XII–XIV вв. (По материалам Лаишевского селища) // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова). Тезисы докладов и сообщений. Киров, 1992. Т.I.

20. *Васильева И.Н.* О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М. , 1988.

21. *Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993.

22. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.

23. *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

24. *Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары: Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1978.

25. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М. , 1984.

26. *Макаров Л.Д.* Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып.2.

27. *Макаров Л.Д., Салангин Д.А.* Об этнической принадлежности «славяноидной» керамики // Научный и информационный бюллетень. Ижевск, 1997. №2. Часть 2 – дек. 1997 г.

28. *Салангин Д.А.* Круговая неполивная посуда Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 1999.

29. *Салангин Д.А.* Некоторые вопросы этнической истории Вятской земли // Этнический фактор и политика: История и современность. Тезисы докладов. Ижевск, 2000.

30. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. №22. 1951.

31. *Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII–XV вв.: Учебное пособие. М. , 1984.

32. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.–Л., 1950.

33. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

34. *Сафаргалиев М.Д.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

35. *Котляров Д.А.* Московское государство и народы Поволжья в XV – XVI вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1999.

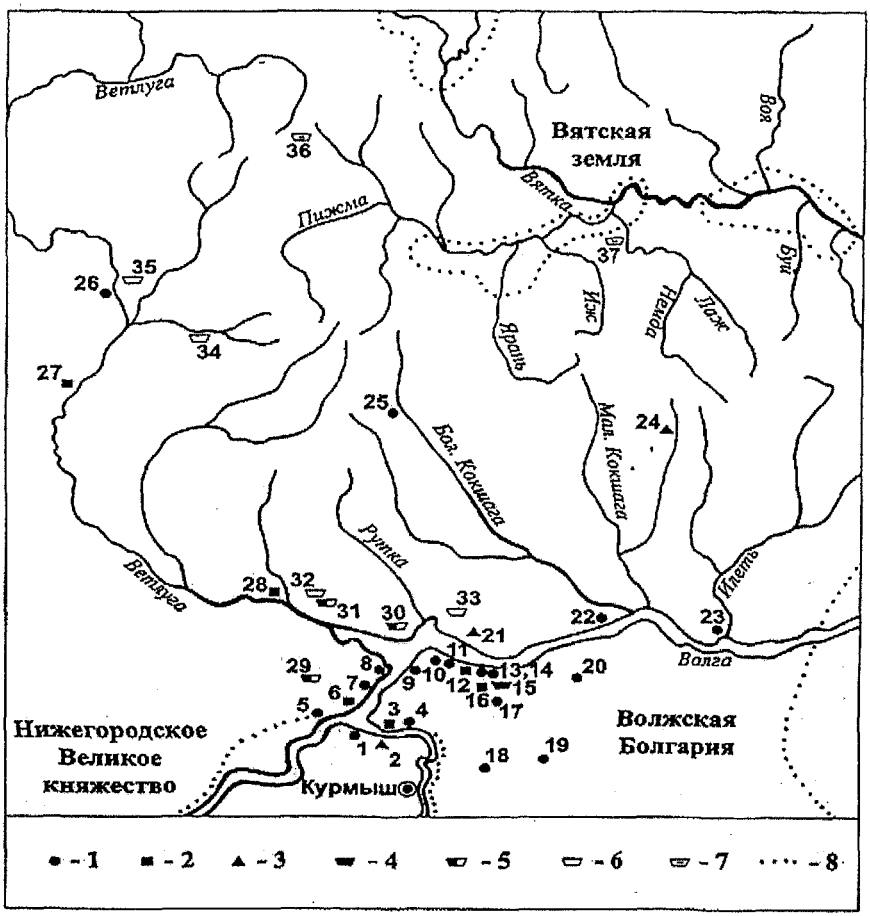

Рис.1. Памятники Волго-Вятского междуречья конца I – первой половины II тысячелетия н.э. со славяно-финно-пермскими материалами: 1–3 – селища, городища и местонахождения со славяно-русской посудой, 4 – русский могильник, 5 – финские могильники с круговой древнерусской керамикой, 6 – могильники с лепной плоскодонной финской посудой, 7 – могильники с лепной круглодонной пермской посудой, 8 – приблизительные границы древнерусских земель (по В.А.Кучкину и Л.Д.Макарову) и Волжской Болгарии (по Ф.Ш.Хузину).

1 – Петровское, 2 – Отарские Выселки, 3 – Васильсурское V («Репище»), 4 – Красноселищенское, 5 – Михайловское, 6 – Горношумецкое, 7 – Удельно-Шумецкое II, 8– Волоконное, 9 – Сиухинское, 10 – Носельское III, 11 – Важнангерское, 12 – Мало-Сундырское, 13 – Шартнейское, 14–16 – Юльяльские, 17 – Сауткинское, 18 – Таутовское, 19 – Янмурзинское, 20 – Больше-Янгильдинское, 21 – Отарское III, 22 – Уржумкинское II, 23 – Мари-Луговское (?), 24 – Верх-Ушнурское, 25 – Пайбулатовское, 26 – Подолиха, 27 – Осетровское (?), 28 – Успенское, 29 – Починковский, 30 – Руткинский, 31,32 – Выжумские II и III, 33 – Дубовский, 34 – Веселовский, 35 – Черемисское кладбище, 36 – Юмский, 37 – Кочергинский.